

Глава 27

Дотронься до меня

Алая птица легонько встряхнула крыльями, сорвалась со сливовой ветви, вытянула когти и схватила лежавший перед Те Хэнцю свёрток с очищенными семенами лотоса.

Те Хэнцю опешил, но мог лишь беспомощно проводить птицу взглядом, пока та не скрылась в Павильоне, где слушают снег.

Впрочем, ничего страшного, что семена достались ей.

Он и не надеялся, что Юэ Бочжи станет их есть.

Хоть Юэ Бочжи, казалось, и любил семена лотоса ледяной души, но эти были завернуты в окровавленную ткань и успели упасть в грязь. С его-то холодной и гордой натурой он бы к ним и не притронулся.

А так, их унесла Алая птица, избавив его от неловкости.

Может, она запомнит его доброту, и его жизнь в павильоне станет немного спокойнее.

Он прекрасно осознавал своё положение: хоть Юэ Бочжи и спас его, это был лишь мимолётный порыв.

В сердце Юэ Бочжи он, вероятно, стоил меньше, чем одно пёрышко Алой птицы.

Алая птица пролетела под карнизом и, легко взмахнув крыльями, влетела в павильон.

Он небрежно бросил свёрток на стол и, усевшись рядом, уже собирался клевать семена.

Но тут лёгкий ветерок пронёсся по комнате, и свёрток плавно опустился на стол перед Юэ Бочжи.

Алая птица недовольно пискнула.

«Я же говорил тебе, — произнёс Юэ Бочжи, — хочешь есть — чисти сам».

Птица рассерженно зачирикала, указывая крылом: «...А ты тоже сам не чистил!»

Юэ Бочжи посмотрел на свёрток. Очищенные семена лотоса ледяной души должны были быть кристально чистыми, как изумруды, но эти из-за суматохи испачкались.

Два семечка были даже в крови. Нефритовая ледяная душа, пропитанная алым, поразительно напоминала ему о Те Хэнцю, лежавшем в снегу под красной сливой.

Он коснулся пальцем окровавленного семечка, ощутив остатки тепла.

Небрежно взяв одно, он положил его в рот.

Лишь раскусив семечко, он осознал, что съел испачканное кровью семя лотоса.

Стоявшая рядом Алая птица, очевидно, тоже удивилась. Склонив голову набок, он уставился на него своими круглыми глазками-бусинками.

Юэ Бочжи на мгновение замер, но всё же проглотил, а затем задумчиво произнёс: «Скажи, почему его кровь на вкус сладкая?»

Алая птица склонила голову: «??? Не знаю, чжи-чжи?? Может, потому что ты извращенец, чжа-чжа??»

Когда Юэ Бочжи вышел из комнаты, полуденное солнце ярко светило на снег, отражаясь слепящим светом.

Те Хэнцю в точности исполнил приказ: не только убрал кровь, опавшие лепестки и снег, но и сам привёл себя в порядок.

Он переоделся в чистую и опрятную одежду для тренировок с узкими рукавами и держал в руках сломанную сливовую ветвь.

Столетнее засохшее дерево в руках мечника казалось невесомым. Оставшиеся на ветвях красные цветы отражали солнечный свет, отчего его красивое лицо тоже приобретало яркий оттенок.

«Приветствую Юэ-цзуня», — поклонился Те Хэнцю. — «Здесь всё убрано, но я не знаю, что делать с этой сломанной ветвью. Прошу вашего указания».

Взгляд Юэ Бочжи остановился на остатках цветов. Он увидел, как два тёмно-красных лепестка, подхваченные ветром, закружились и пролетели мимо лица Те Хэнцю. Лепестки коснулись его вспотевшей кожи, и от тепла его крови словно снова ожили.

Юэ Бочжи, всегда бледный из-за болезни, на фоне уцелевших цветов казался ещё холоднее. У него никогда не было такого живого румянца.

Его пальцы, сжимавшие лисий мех, бессознательно сжались, и он на несколько мгновений задержал взгляд на лице с прилипшими лепестками.

Алая птица на карнизе прочиркала пару раз, нарушив тишину.

Лишь тогда Юэ Бочжи осознал, что слишком долго смотрит на шею этого мужчины.

Словно пытаясь скрыть что-то, он опустил глаза и переложил грелку в другую руку: «А ты как думаешь?»

Те Хэнцю, получив возможность остаться здесь и убирать, был на седьмом небе от счастья.

Он, конечно, не хотел уходить и уже давно придумал причину остаться. «Эта столетняя красная слива из Восточных земель, касающихся облаков, — большая редкость, — сказал он, — не говоря уже о времени и силах, которые вы потратили на её выращивание. Это бесценно. Было бы очень жаль просто выбросить её».

Юэ Бочжи тихо хмыкнул.

Те Хэнцю, восприняв это как ободрение, продолжил: «Ученик немного знаком с искусством прививки. Если Юэ-цзунь не против, я хотел бы попытаться спасти эту сливу. Не могу гарантировать, что она вернёт себе былое великолепие, но по крайней мере, она снова оживёт, и ваши многолетние труды не пропадут даром».

Взгляд Юэ Бочжи скользнул по красной сливе, прилипшей к щеке юноши от ветра: «Ты знаком с прививкой божественных духовных растений?»

Те Хэнцю слегка склонил голову, его вид был полон спокойствия и почтения: «Юэ-цзунь, не беспокойтесь. Ученик служил в Усадьбе божественного дерева и обучался там искусству прививки. Не могу сказать, что владею им в совершенстве, но кое-что знаю и готов помочь вам».

«Усадьба божественного дерева?» — тихо повторил Юэ Бочжи с задумчивым видом. — «Это место действительно славится выращиванием редких деревьев и трав».

«Именно, — кивнул Те Хэнцю. — Хоть я и был там всего лишь слугой, но каждый день видел и слышал, как работают мастера, и кое-чему научился. Если Юэ-цзунь доверится мне, я готов попробовать».

«Когда ты там служил?» — неожиданно спросил Юэ Бочжи.

Те Хэнцю замер, а затем медленно ответил: «В годы Цзинхэ».

Услышав это, взгляд Юэ Бочжи слегка изменился: «В годы Цзинхэ? Тогда твой возраст...»

«Тогда мне было пятнадцать или шестнадцать лет», — тихо ответил Те Хэнцю.

Юэ Бочжи, казалось, удивился и улыбнулся: «Не думал, что ты старше меня на десять с лишним лет».

«Путь познаётся не годами. Хотя я и старше, моё совершенствование далеко от вашего. Это доказывает, что талант и удача — вот ключ к успеху. Вы, Юэ-цзунь, обладаете выдающимся талантом, а мне остаётся лишь усердием восполнять свои недостатки, чтобы хотя бы надеяться приблизиться к вам», — поклонился Те Хэнцю.

Юэ Бочжи не очень любил лесть, он слышал её с самого детства.

Он лишь размышлял над словами Те Хэнцю. Когда тот был слугой, Юэ Бочжи ещё не родился.

Глядя на молодое, свежее лицо мечника, Юэ Бочжи удивился: «Оказывается, ты такой старый...»

«...Он что, считает меня старым? — подумал Те Хэнцю. — Мы оба уже столетние старики, какая разница в десять с небольшим лет!»

Но тут Юэ Бочжи, словно что-то вспомнив, поднял глаза: «Кстати, в годы Цзинхэ моя матушка, кажется, тоже посещала Усадьбу божественного дерева».

«Да», — Те Хэнцю тоже с ностальгией посмотрел вдаль. — «Тогда я был деревенским парнем, семья моя была бедна, и я, отчаявшись, продал себя в услужение в усадьбу. Там я и встретил вашу матушку».

Пальцы Юэ Бочжи, сжимавшие грелку, слегка побелели: «И что потом?»

Услышав это, Те Хэнцю вздрогнул.

Кажется, впервые Юэ Бочжи заинтересовался его рассказом.

Похоже, сыновняя любовь — чувство, свойственное всем.

Голос Те Хэнцю стал тихим и тёплым, в нём слышалась далёкая ностальгия: «Ваша матушка сжалилась надо мной, видя, что я слаб, но при этом послушен и сообразителен. Она взяла меня к себе во двор, чтобы я ухаживал за её цветами и прислуживал ей».

Юэ Бочжи молчал. Снежный свет падал на его лицо, делая кожу почти прозрачной.

«Я был обычным смертным, но ваша матушка, увидев во мне некоторые способности, трижды коснулась моей макушки, и я обрёл духовное начало», — голос Те Хэнцю стал ниже. — «Без этой встречи я бы даже не смог коснуться порога мира совершенствующихся».

Ресницы Юэ Бочжи дрогнули. Он увидел, как в глазах Те Хэнцю блеснула влага.

Эти глаза, привыкшие к расчётам, сейчас были чисты, как холодный пруд, в них не было ни капли притворства.

«Жаль, что в этой жизни у меня больше не будет возможности отплатить за эту доброту», — Те Хэнцю горько усмехнулся. — «Служить вам — это тоже своего рода...»

Он замолчал, словно не зная, как описать эту возможность, и лишь опустил голову, поправляя и без того аккуратные рукава.

Под взглядом Юэ Бочжи Те Хэнцю почувствовал, как ему стало трудно дышать.

Этот взгляд был слишком странным. Юэ Бочжи никогда так на него не смотрел.

Возможно, он слишком привык к тому, что его игнорируют, и теперь, оказавшись в центре внимания, он больше растерялся, чем обрадовался.

Тем более что взгляд Юэ Бочжи был таким сложным.

От этого взгляда по затылку Те Хэнцю пробежал холодок, словно ему за шиворот засунули кусок льда, но уши почему-то загорелись.

«В тайном царстве, — нарушил молчание Юэ Бочжи, — ты, не жалея себя, спас меня. Это из-за этого?»

«Из-за этого?» — с недоумением повторил Те Хэнцю.

Юэ Бочжи, казалось, был немного раздосадован, но всё же пояснил: «Ты спас меня, рискуя жизнью, потому что хотел отплатить за доброту моей матушки?»

Те Хэнцю замер и неожиданно поднял глаза на Юэ Бочжи.

Уголки глаз Юэ Бочжи дрогнули: «Конечно, даже самый глупый человек не станет просто так рисковать жизнью».

Солнечный свет сместился, и тень от ветви упала на лицо Юэ Бочжи, разделив его, словно вырезанное из нефрита, на свет и тьму.

Кадык Те Хэнцю дёрнулся. Он выпрямился и встретил этот сложный взгляд: «Фея Лофу была моим благодетелем, но...» — его голос стал хриплым, — «...в тайном царстве, когда я защищал вас, я видел только Юэ-цзуня».

Ветер пронёсся по ветвям, сорвав несколько уцелевших листьев. Выражение лица Юэ Бочжи оставалось неясным.

Те Хэнцю опустил глаза, его голос вдруг стал тише: «Не чей-то сын, а просто Юэ Бочжи».

Едва произнеся это, Те Хэнцю замер.

Он понял, что позволил себе неслыханную дерзость, назвав его по имени.

Хоть он и часто мысленно обращался к нему так, но вслух всегда почтительно говорил «Юэ-цзунь».

А сейчас, в порыве чувств, он произнёс «Юэ Бочжи».

Разве он имел право произносить эти три слова?

Вокруг стало до ужаса тихо.

Те Хэнцю уставился в землю. Сломанная ветвь в его руках качалась на ветру, два красных лепестка сорвались, один застрял в воротнике его одежды, другой прилип к ключице.

Знакомый холодный аромат вдруг приблизился. Он увидел, как рукав Юэ Бочжи опустился к его груди, и из него показался тонкий палец.

Сердце Те Хэнцю забилось ещё быстрее, готовое вырваться из груди и упасть ему в ладонь.

Он не мог сдержать воображение... нет, не воображение.

Желание.

Он желал, чтобы этот палец коснулся его. Неважно где — груди, ключицы, даже просто скользнул по воротнику.

Даже если в следующую секунду его сердце будет вырвано, разве это не будет своего рода слиянием плоти и крови?

Он знал, он жаждал этого прикосновения!

Те Хэнцю смотрел, как рука Юэ Бочжи поднимается, как палец медленно приближается.

Округлый, как нефрит, ноготь был всё ближе к его воротнику.

Сердце Те Хэнцю гремело, как гром, отзываясь в груди, и какой-то безумец внутри кричал:

«Дотронешься?»

«Дотронешься до меня?»

«Дотронешься?»

«Дотронься».

«Дотронься до меня».

«Прошу тебя».

<http://bllate.org/book/16975/1587205>